

происхождению и до сих пор пополняется за счет самых различных его значений.

Принципы выделения отдельных значений, основных и производных, и группировки случаев употребления, нашедшие отражение в исследовании творительного падежа, в значительной мере могут быть использованы и при анализе других падежей. Однако творительный падеж в общем менее тесно связан с господствующими словами, чем такие падежи, как винительный и дательный, характеризующиеся более сильным управлением; поэтому при определении значений творительного падежа большую роль играет лексическое (или лексико-грамматическое) значение слова, принимающего форму творительного падежа.

Исследование падежных значений в условиях тщательного учета существующей синтаксической синонимии на данном этапе сравнительно-исторических исследований является уже совершенно необходимым требованием методического характера. Однако подробный анализ взаимодействия падежной формы и ее синонимов в различные эпохи и в разных языках не всегда возможен. Весьма затруднителен, например, анализ взаимоотношений творительного времени с различными иными средствами выражения этого значения (случаи выражения временного значения формой творительного падежа, вероятно, ни в одном славянском языке никогда не составляли более 5% в системе прочих средств предложно-падежного синтаксиса). Подробный и всесторонний анализ синтаксических синонимов с позиций одного определенного падежа необходим, надо полагать, в тех случаях, когда исследуются типичные значения этого падежа, мало свойственные другим предложно-падежным конструкциям в системе данного языка (например, значения инструмента, логического субъекта, пути движения — у творительного падежа). Впрочем, само понятие синтаксического синонима еще нуждается в уточнении.

Фактический материал в исследовании приведен в достаточном количестве почти по всем славянским языкам (лишь белорусский язык представлен сравнительно слабо), хотя выбор источников в отдельных случаях мог бы быть более тщательным. К сожалению, почти всегда отсутствует перевод инославянских примеров на русский язык, что несколько затрудняет использование приводимых данных (особенно в части диалектного материала).

В заключение можно сказать, что несмотря на отдельные недочеты частного порядка, рецензируемый коллективный труд разрешил, как указывалось, ряд важных проблем синтаксиса славянских падежей; очень ценными оказались наблюдения над конкурирующими синонимическими конструкциями и особенно над процессом адвербиализации, характерным для разви-

тия целого ряда грамматических значений творительного падежа, связанным с потерей субстанциональности существительного и ведущим к перемещению его синтаксических связей. При этом славянские языки обнаруживают разнообразные этапы этого процесса.

«Творительный падеж в славянских языках» вполне удачно начинает собою серию сравнительно-исторических исследований в области падежного синтаксиса славянских языков.

А. Б. Прагдин

С. Е. Малов. Язык желтых уйгуров. Словарь и грамматика. Изд-во АН Казах. ССР.— Алма-Ата, 1957. 197 стр.

Профессор С. Е. Малов — первый тюрколог, который посетил желтых уйгуров (сары жуур) и начал изучение их языка, устного народного творчества и культуры. За время двух своих путешествий в Китай, совершенных более сорока лет назад, им накоплен обширный лингвистический материал. Часть записанного С. Е. Маловым материала после многолетней тщательной обработки издана теперь в виде монографии «Язык желтых уйгуров». Впервые этому чрезвычайно интересному и почти неизвестному языку посвящено обстоятельное исследование — и в этом прежде всего большая научная ценность труда С. Е. Малова. Книга состоит из «Предисловия» (стр. 3—7), «Словаря» (стр. 9—154) и «Грамматики» (стр. 155—194).

В «Предисловии» содержатся сведения о различных группах уйгуров (эти сведения относятся в основном к периоду поездок С. Е. Малова), о главных особенностях желтойуйгурского языка, высказывается мысль о его генезисе. Сведения о том, что «желтых уйгуров приблизительно до 10 тысяч человек» (стр. 3), — не точны. Всего желтых уйгуров насчитывается 3938 человек. Из них около 2000 человек тюркоязычных, приблизительно 1500 человек монголоязычных и, наконец, около 440 говорящих только по-китайски. После установления народной власти в Китае названные группы уйгуров приняли единое государственное наименование жу-ц(г) и вошли как составная часть в Сунань-тогуский автономный уезд, созданный в феврале 1954 г. в составе провинции Гань-су.

«Словарь» С. Е. Малова прекрасно отражает богатую и хорошо сохранившуюся лексику сары жуур'ов. Он содержит названия родов и «костей» уйгуров, географические наименования, мужские и женские имена, названия предметов шаманского ритуала, имена буддийских божеств и многое другое.

Здесь коснусь только некоторых слов: *amei (ahiez)*¹ (стр. 19) означает не только «милый», «милая», «маленький», но и «де-

¹ Латинская транскрипция моя.

теньш» (ср.: *seyen ahteı* «осленок», *kegek ahteı* «щенок»). Наряду с *мырыт* (горн. уйг.) «кошка» (стр. 78) следует указать также встречающийся у степных уйгуров вариант *mırış* (*mırış qus* «сова»). По свидетельству С. Е. Малова, *пазар* (*bazır*) «так уйгуры называют иногда город Сучжоу, около которого они живут» (стр. 85). Мне думается, что у уйгуров значение этого слова немного другое — «крепостная стена, город»; с тем же значением *paazar* имеется в саларском языке: ср. *Iaze paazar* «город, крепость Язы» (современное название *Dişi*). С. Е. Малов дает только следующие значения слова *тамыр* — «жила»; «путь» (стр. 111); но *tamır* у уйгуров Минхайзе значит еще «маленький приток реки, арык» (ср. *şeyen* «большой приток реки, канал»). В «Словаре» дается значение слова *тыстыз* «зубатый», «с выдающимися клыками» (стр. 128); интересно отметить, что в сочетании с числительными это слово служит для выражения возраста животных: *tört tıstır* «трехлетний баран», *atti tıstır* «четырёхлетний баран».

В «Словаре» широко представлена не только тюркская лексика, но и заимствованные слова из китайского, тибетского и монгольского языков. Даже при беглом просмотре видно, что количество слов китайских намного больше числа тибетских и монгольских слов. Причина ясна — воздействие на уйгурский язык китайского языка (ганьсуйский диалект) наиболее сильное (и не только в области словаря). За годы после освобождения влияние китайского языка, несомненно, возросло. Вся современная политическая, государственная, административная, военная лексика, терминология, касающаяся просвещения и школы, и др. заимствуются из китайского языка.

Запись слов, приводимых в «Словаре», в большинстве своем сделана очень точно. Весьма ценно и то, что для пояснения слов и их значений привлечен большой сравнительный материал по лексике тюркских языков. Таким словарем с чувством признательности воспользуется не только лингвист, но историк и этнограф.

Грамматическая часть книги хотя и невелика по объему, но в ней отражены все наиболее существенные черты языка желтых уйгуров. Эта часть также значительно выигрывает от представленного в ней широкого сравнительного материала, главным образом по восточнотюркским языкам (см. особенно стр. 157—158, 162, 163 и др.).

В разделе фонетики (стр. 157—164) подробно описана система гласных, чередования и переходы согласных, вариации слов по линии гласных, ярко воспроизводящие звучание живой уйгурской речи.

Вместе с китайскими словами язык *sağı* *juıgı* 'ов усвоил звуки *f* (например, см. на стр. 157 *fi* «кобылица», *ufkus* «корова» и др.) и *tş* (стр. 159); второй из них, можно

думать, получил за последнее время большее распространение по сравнению с тем, что регистрируют грамматика и словарь С. Е. Малова. Можно указать и другие заимствованные уйгурами китайские звуки — свистящие *ç*, *tç* и *ıç*¹.

Очень ценны тонкие наблюдения С. Е. Малова над аспирированными согласными (²*p*^ç, ²*t*^ç, ²*k*^ç, ²*q*^ç, ²*ıç*^ç, ²*ıç*^ç), которые встречаются не только в китайских словах, но укоренились и в собственно тюркских, а также пад развившимися на их почве придыхательными гласными (стр. 163). То же самое мне приходилось наблюдать и в саларском языке, который испытал также сильное влияние китайского языка. Как известно, в более ослабленном виде это явление встречается еще в тувинском языке².

В разделе морфологии (стр. 164—194) рассматриваются существительные, прилагательные, местоимения, числительные, глагол и частицы. Наиболее полно анализируется здесь склонение, представляющее интерес главным образом с фонетической стороны (ассимиляция согласных). В числительных, помимо отмеченной и раньше архаической системы счета (от 11 до 29)³, приведены редкие формы с аффиксами *-о*, *-джылык* и *-шке* (стр. 179).

В уйгурском глаголе С. Е. Малов отмечает любопытную черту — отсутствие личных окончаний во временных формах (стр. 6, 189—193)⁴. Надо добавить, что эта особенность в *sağı juıgı* 'ском языке характерна в известной мере и для спряжения имен. То же самое явление, как удалось установить в последнее время, имеет место в саларском языке, который относится к группе «новых тюркских

¹ Характеристику этих звуков см. в кн.: А. Д р а г у н о в, Грамматическая система современного китайского разговорного языка, М.—Л., 1941, стр. 12.

² См. об этом: «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», ч. 1 — «Фонетика», М., 1955, стр. 175—181, 254—260; Ф. Г. И с х а к о в, Тувинский язык. Материалы для научной грамматики, Очерк по фонетике, М.—Л., 1957, стр. 31—33, 87—89, 92—95; Ш. Ч. С а т, Тувинский язык (Краткий очерк) (в кн. «Тувинско-русский словарь», М., 1955), стр. 620—621.

³ См. об этом: В. Б а р т о л ь д, Система числения орхонских надписей в современном диалекте, ЗВО РАО, т. XVII (1906), вып. 4, СПб., 1907, стр. 171—173; С. Е. М а л о в, К изучению турецких числительных, сб. «XLV. академику Н. Я. Марру», М.—Л., 1935.

⁴ Впервые об этом см. в «Отчете о путешествии к уйгурам и саларам» С. Е. Малова («Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях», Серия II, № 1, СПб., 1912, стр. 97).

языков»¹. Салары и желтые уйгуры в течение многих веков живут в тесном взаимодействии с окружающим китайским населением и испытывают на себе шпентсивное влияние китайского языка². Не является ли отмеченная черта спряжения в этих языках результатом воздействия аналитического строя китайского языка? В силу своих особенностей язык *saŋu juŋu'* представляет значительный интерес для тюркологов.

Выход в свет рецензируемого труда С. Е. Малова «Язык желтых уйгуров» — выдающееся событие в тюркологии. Надо заметить в то же время, что книга «Язык желтых уйгуров» опередила издание интереснейших текстов по этому языку, также собранных С. Е. Маловым. Было бы целесообразно вместе с изданием текстов переиздать словарь и грамматику, чтобы установить единую их транскрипцию; было бы необходимо также увеличить тираж этой недавно напечатанной и ставшей уже редкостью книги.

Э. Р. Тенишев

¹ С. Е. Малов, Древние и новые тюркские языки, ИАН ОЛЯ, 1952, вып. 2, стр. 142; е г о ж е, Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования, М.—Л., 1951, стр. 7.

² См. об этом: Э. Т е н и ш е в, О языке саларов (отчет о поездке), Пекин, 1957 (рукопись); е г о ж е, О языке *saŋu juŋu'* (отчет о поездке), Пекин, 1958 (рукопись).

Н. С. Петровский. Египетский язык. Введение в иероглифику, лексику и очерк грамматики среднеегипетского языка, под ред. акад. В. В. Струве. — Л., 1958. 329 стр. (ротапринт).

Выход в свет этой работы является значительным фактом в нашем отечественном востоковедении: до сих пор на русском языке как до октября 1917 г., так и после него фактически египтологической лингвистической литературы не существовало. Этот весьма существенный пробел в нашей науке заполняет книга Н. С. Петровского, являющаяся первым шагом на пути к созданию такой египтологической литературы на русском языке.

Книга Н. С. Петровского задумана как учебное пособие. В предисловии автор сообщает: «по замыслу автора настоящая книга должна явиться первой частью всего труда. В дальнейшем предполагается издание хрестоматии с лексическими и грамматическими упражнениями... Словарь среднеегипетского языка (преимущественно для „Хрестоматии“) должен составлять третью часть» (стр. XIII—XIV). Следует с негерпением ожидать появления хрестоматии и словаря, которые дополнят первую часть работы. Необходимость такой работы давно назрела, а значимость ее в наше время особенно усилилась в

связи с ростом и углублением дружественных и культурных связей между советским народом и народом современного Египта.

Особенностью книги Н. С. Петровского является ряд новых и оригинальных точек зрения на отдельные грамматические явления, и поэтому она, говоря словами В. В. Струве, «представляет не просто учебное пособие в самостоятельном научном изложении материала... но и очень интересный, будничней мысль научный труд» (стр. VII). Особенное внимание египтолога-филолога привлекут те места этого труда, в которых автор рассматривает природу египетского глагола (§ 98—102).

Отметив, что египетскому глаголу по существу чужда категория времени и что он в основном выражает способ действия, автор указывает, что категория способа действия египетского глагола распадается на пять способов действия: 1) однократное действие («перфектный» *šdm. f.*); 2) многократное действие («имперфектный» *šdm. f.*); 3) завершенное действие (форма *šdm. n. f.*); 4) предел действия («старый перфект») и 5) неопределенное действие (ипфитив).

Автор рассматривает эти способы действия совместно с категорией их отрицания и в итоге приходит к гипотетическому выводу, что ведущими способами действия являются завершенное действие и многократное действие. Изложив свои взгляды, автор указывает, что, несмотря на их дискуссионность, они все же могут обосновать некоторые факты языка, которые раньше оставались трудно объяснимыми. Мы не можем здесь входить в подробный разбор и оценку этих взглядов; отметим лишь, что в своей совокупности они представляют собой несомненный интерес для исследователя, как новый подход к сложным проблемам египетского глагола.

Ново также проведенное автором сравнение египетской глагольной формы *šdm. t. f.* с аккадским перфектом, образующимся при помощи инфикса *ta*: этот инфикс, действительно, весьма близок к форманту *t* формы *šdm. t. f.* Автор предполагает наличие общности между египетской и аккадской глагольными формами.

Интересно описание и объяснение глагольной формы, обычно известной под названием «старый перфект» или псевдо-партицип. Автор считает название «старый перфект» не подходящим к ней, так как таковую функцию, по его мнению, выполняла форма *šdm. t. f.* (см. выше). Старый перфект, который автор называет глагольной формой качества и состояния, по его наблюдению является отглагольным наречием, т. е. египетским деепричастием. Ее значение автор иллюстрирует сравнением с русскими деепричастиями прошедшего времени, например *ушедши* и т. п.

Описывая трудные нашему восприятию грамматические особенности египетского глагола, как, например, усложненную